

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И ДИНАМИКА СОВРЕМЕННЫХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

- «Военизированный гуманизм» и антиномичность толерантного разума
- Социально-философский анализ формирования социокультурной идентичности у мигрантов
- Реинтерпретация сущности социального конфликта в контексте современной социодинамики

УДК 1(091)+101.1:316

«Военизированный гуманизм» и антиномичность толерантного разума

И. Н. Сидоренко, кандидат философских наук, доцент*

В статье осуществляется анализ сущности современной политики как политики «военизированного гуманизма», под которой понимается изнанка экспансии демократии, допускающей применение как угроз, так и самой силы, как использование санкций международных институтов, так и отказ от них, что, в свою очередь, позволяет нам предположить, что современный демократический мир осуществляется в формате «гуманитарной интервенции». «Военизированный гуманизм» как результат политики военных угроз, призванных мирно производить глобальные перемены, выступает также причиной размывания различий между войной и военной угрозой. Проблема толерантности, т. е. антиномичность толерантного разума, рассматривается в статье как следствие и в то же время условие возможности осуществления политики «военизированного гуманизма».

Ключевые слова: «военизированный гуманизм», антиномичность толерантного разума, кризис политический, кризис идентичности, «справедливая война», «новая война», гибридная война, мир.

«Military Humanism» and the Antinomy of the Tolerant Reason

I. N. Sidorenko, PhD in Philosophy, Associate Professor

The author of this article analyses the essence of the modern politics as a policy of «military humanism», that is, the wrong side of the expansion of democracy, it allows using both the different threats and the force, employing both the sanction of international institutions and the rejection of them. So it is possibly for us to suppose that the modern democratic world is in the format of «humanitarian intervention». «Military humanism» is a result of the policy of military threats, which produce global changes peacefully; it is also the reason for eliminating the distinctions between the war and the military threat. The article examines the problem of tolerance, i. e. the antinomy of the tolerant reason as a result and at the same time a condition of possibility of the implementation of the policy of «military humanism».

Keywords: «military humanism», the antinomy of the tolerant reason, the political crisis, the crisis of identity, «the just war», «the new war», hybrid warfare, peace.

Сегодня размах социально-экономического кризиса, нищета в странах «третьего мира», военные конфликты и терроризм доказывают неспособность человека глобализирующегося мира победить в войне, которая понимается как «борьба за мир», так как сегодня условием возможности мира стала война, а мир уже давно перестал быть мирным. Специфической особенностью складывающейся новой политической системы становится преобладание силы и экономической мощи над нравственностью и правом, что находит свое выражение в таком кон-

цепте, как «военизированный гуманизм», введенном в социогуманитарное знание американским лингвистом Н. Хомским [1]. «Военизированный гуманизм» представляет собой изнанку экспансии демократии, допускающей применение как угроз, так и самой силы с использованием как санкций международных институтов, в том числе и ООН, так и без них, что, в свою очередь, позволяет нам предположить, что современный демократический мир основывается на «гуманитарной интервенции». «Военизированный гуманизм» как результат политики военных угроз,

* Доцент кафедры философии и методологии науки ФФСН БГУ.

призванных мирно производить глобальные перемены, в свою очередь, выступает причиной размытия различий между войной и военной угрозой: мирные средства становятся тождественны непрестанной подготовке к войне. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что сегодня гарантом современного мира стал «военизированный гуманизм», суть которого хоть и парадоксальна, однако от этого не становится менее реальной: тот, кто хочет избежать войны и укрепить мир, должен действовать с позиции насилия.

Политика «военизированного гуманизма» стала возможна за счет размывания традиционного разграничения «полномочий» государства и бизнеса в вопросах обеспечения национальной безопасности, с одной стороны, и частной, с другой, что приводит к формированию своеобразной «идеологии насилия», оправдывающей ослабление власти национальных государств и усиление глобальных институтов, договоров международной торговли. Радикальной формой неолиберализации становится «приватизация насилия», проявляющаяся в том, что правительства утрачивают монополию на средства насилия. Это, в свою очередь, приводит к радикальному изменению состава акторов, претендующих на роль влиятельных субъектов мировой политики. Такими субъектами стали наднациональные международные организации, транснациональные банки и промышленные корпорации, не признающие государственного суверенитета, действующие одновременно во многих странах и приобретающие там экономическую власть. Приватизация насилия в эпоху «военизированного гуманизма» осуществляется в пространстве «рынков насилия», «рынков гражданской войны», где согласовываются цены на приобретение и использование приватизированной силы, а также распределяются прибыли. Этот своеобразный «рынок насилия» порождает разные типы кризисов в организации и использовании силы. В полной мере он осуществляется там, где еще или уже не существуют государственные структуры. Феномен «ненасильственного сопротивления», проявившийся в череде так называемых «цветных революций», является обратной стороной «рынка насилия» [2].

Одним из главных следствий реализации политики «военизированного гуманизма» стали «новые» войны, обладающие гибридной природой и тяготеющие к тотальности. «Новые» гибридные войны предполагают смещение угроз, т. е. национальные государства в современном глобализирующемся мире сталкиваются как с внешней угрозой, так и с внутренней. Как справедливо отмечает М. Калдор, профессор Лондонской школы экономики, «новые войны» стали одним из эффектив-

ных средств свержения политических режимов, ведения партизанских войн, развязывания гражданских войн. «Новая война» «стирает границы между военными действиями, вооруженным восстанием, массовым нарушением прав человека и организованной преступностью» [3, р. 124]. Таким образом, «новую» гибридную войну, вслед за М. Калдор, можно определить как «мягкую силу»: когда социальная система находится в критическом положении, тогда даже малое воздействие на нее может привести систему в иное состояние и получить искомый переход. «Новая» гибридная война подпитывается страхом перед насилием, поэтому достаточно лишь угрозы для того, чтобы создать ситуацию социальной нестабильности. Целесообразно также отметить, что «новая война» не ведется в национальных интересах, напротив, она снимает ограничение ответственности государств национальной территорией, превращаясь в своеобразные «мировые полицейские войны», тем самым продолжая политику «военизированного гуманизма». В силу этого «новая» гибридная война служит средством камуфлирования незаконной войны и оправданием агрессии. Эта война подавляет все проявления общественной жизни, навязывая собственный политический порядок, и подрывает наработанный режим регулирования действий государств во время войны. Будучи нестандартной, она используется для упразднения режима, ориентированного на межгосударственные отношения.

Современный мир, используя понятие Ф. Ницше, можно с полным правом назвать миром *ressentiment*, или миром «мстительности»: несмотря на стремление к гуманизации социальных процессов и попытки осуществления различных проектов построения справедливого общества, *ressentiment* остается скрытым основанием существования человека. Таким образом, в эпоху *ressentiment* и «военизированного гуманизма» насилие считается оправданным до тех пор, пока приводит к воспроизводству существующего порядка, но как только принуждение перестанет обеспечивать порядок, основа его легитимности исчезнет. Так, «военизированный гуманизм» порождает новый мировой порядок, который базируется не на прямом насилии, а на страхе, вызываемом угрозой насилия.

Даже взятый курс на развитие толерантности подчас оборачивается скрытой завистью и ненавистью не только по отношению к Другому как к иному, но к близкому как к своему, что порождает эскалацию насилия не только вовне, но и внутри национального сообщества. Отсюда проблема толерантности, а точнее — антиномичность толерантного разума, которая является следствием и в то же время условием возможности осуществления поли-

тики «военизированного гуманизма». Остановимся на этом более подробно.

Суть «антиномий чистого разума», разработанных И. Кантом, заключается в том, что конечный человеческий разум неизбежно приходит к противоречию с самим собой, когда пытается выйти за пределы конкретного чувственного опыта и обратиться к вопросам, решение которых предполагает одинаково обоснованные доводы «за» и «против». Происходящие сегодня события, такие как неконтролируемый поток мигрантов в Европу, кризис идентичности, замещение политики экономикой, кризис мультикультурализма, исчезновение политического субъекта, угроза тотального терроризма, являются яркой иллюстрацией антиномий толерантного разума современного человека. Суть антиномичности толерантного сознания можно раскрыть посредством анализа следующих антиномий.

Первая антиномия: толерантность — это терпимость по отношению к Другому как ближнему и / или терпимость к дальнему. Хаос, порожденный неконтролируемым потоком мигрантов в европейские страны, вскрыл антиномичность толерантности: заявления об открытости Европы уживаются с фактической неспособностью реализовать эту открытость. Толерантность из активной позиции принятия инаковости Другого и в силу этого терпимого отношения к чужому образу жизни, поведению, обычаям, верованиям, идеям трансформируется в пассивную позицию дистанцирования от другого. До тех пор, пока европейцам удавалось не допускать к себе ближнего и вытеснять его из сферы публичного пространства и политики, незнакомое удерживалось на расстоянии. Таким образом, толерантность либерального общества в действительности являлась инструментом удержания Другого на расстоянии и его отчуждения. Поэтому, несмотря на мультикультурную толерантность и уважение к различиям, либералы на самом деле были солидарны с противниками иммиграции в том, что необходимо держать Другого на должном расстоянии. Так, мультикультурная толерантность подтверждала право человека не быть объектом вторжения и агрессии, т. е. право быть на безопасном расстоянии от Других. Фрагментарность социального пространства в глобализирующемся мире иллюстрирует невозможность отгородиться от Другого в принципе. В силу этого толерантность, порожденная мультикультурализмом и политкорректностью, из инструмента отчуждения Другого превращается в политический инструмент отвлечения людей от реальных проблем и может быть представлена как частный случай политики страха, основанной на манипулировании параноидальной толпой. Сложившуюся ситуацию словенский

философ С. Жижек справедливо определяет как «асимметрию толерантности», воспроизводящую парадокс Сверх-Я: «Чем больше ты подчиняешься тому, что требуют от тебя другие, тем тяжелее твоя вина. Выглядит так, словно чем терпимее вы относитесь к исламу, тем сильнее он будет давить на вас» [4, с. 90]. Поэтому современный толерантный либерализм можно определить как опыт Иного, лишенного своей Инаковости.

Вторая антиномия: толерантность как терпимость к Иному предполагает определение собственной идентичности, однако в ситуации кризиса идентичности неопределенным оказывается как Другой в его инаковости, так и собственный образ. В обществе постмодерна, порожденного глобализацией, человек идентифицирует себя уже не столько с общиной или обществом в целом, сколько с постоянно сменяющимися друг друга группами индивидов, чья идентичность не обозначена и проблематизируется как реальность. Кризис идентичности раскрывается как кризис самопонимания личности. В условиях глобализации человек находится в неведении как относительно ценностей, так и целей. Британский социолог польского происхождения З. Бауман метко определяет современного человека как «бродягу», для которого проблема состоит в том, какую идентичность выбрать и как суметь вовремя от нее отказаться [5]. Неопределенность и нестабильность приобретают фундаментальный характер, так как в современных условиях ни образование, ни профессия, ни собственность не делают человека защищенным от перемен в судьбе. Идентификация становится производной от потребления и потребляемого продукта, случайно выбранного стиля жизни, т. е. комплекса интегрированных социальных практик. В ситуации кризиса идентичности мультикультурная толерантность до сегодняшней иммиграционной волны не желала замечать того потенциала насилия, который возникает вследствие предоставления неограниченной свободы различным этническим и религиозным общинам. Отсюда притязания на разную идентичность только усугубляют конфликты: принцип терпимости оборачивается агрессивной нетерпимостью к другим. Ради выживания мы осознаем необходимость строить «мосты понимания», однако способности к этому и степень допущения терпимости иного у нас весьма разные.

С другой стороны, «политика идентичности» предполагает и диктат идентичности, будь то национальная, религиозная, языковая и т. д. Как справедливо отмечает М. Калдор, в «политике идентичности» «речь идет о притязании на власть на основе присвоения ярлыков... и она напрямую связана с идеализированным ностальгическим представ-

лением о прошлом» [3, р. 40]. Именно ностальгия и память о прошлом становятся новым источником политической легитимности, однако в отличие от политических идей, выступающих основанием для объединения, «политика идентичности», напротив, работает по принципу исключения и тем самым способствует фрагментаризации социального пространства. Уже не важно — с кем ты или за кого, важно только — против кого. Так идентичность становится основанием для военной мобилизации, более того, она начинает рассматриваться как единственное средство для оправдания войны.

Кризис идентичности связан также и с кризисом политического: невозможно определить политического субъекта, а значит, в рамках права выстроить взаимоотношения с ним. Вопрос о том, кто друг, кто враг, кто агрессор, а кто жертва, остается открытым. Так, все участники войны с террором, как и сами террористы, считают себя жертвами и используют свой статус жертвы для легитимного принятия своей экспансионистской политики. Свобода в конструировании идентичности обращается свободой и в конструировании образа врага. Отсюда подозрения в терроризме дают карт-бланш на конструирование постоянно меняющихся репрезентаций врага, что приводит к тотальному расширению границ внутренней безопасности. Гибкость в определении врага дает возможность мощным державам под предлогом самообороны начинать превентивные войны, вводить чрезвычайное положение, делегитимировать международные отношения.

Немецкий философ и юрист К. Шмитт аргументированно отметил, что эра войны нового типа, современной «справедливой войны» началась с подписания Версальского договора: отныне тот, кто объявляет войну, считается виновным. Последствия этого, с точки зрения К. Шмитта, оказались катастрофичны: сегодня война превращается в полицейскую акцию, в борьбу добра со злом, которая разворачивается между теми, кто присваивает себе право судить, и теми, кто оказывается подсудимым. Так постепенно с начала XX столетия война покидает сферу политического. Именно поэтому современную «справедливую войну» К. Шмитт характеризует как антиполитичную, а в концепциях «справедливой войны» видит дискриминационную концепцию войны, позволяющую применять против «неверных» любые средства. «Современная теория справедливой войны стремится именно к дискриминации противника, ведущего несправедливую войну. Сама война становится преступлением в уголовном значении этого слова. Агрессор объявляется преступником в самом что ни на есть уголовном смысле слова; он становится таким же

outlaw, как и пират» [6, с. 135]. На основе такой дискриминации происходит криминализация врага. Вот как об это пишет французский философ, геополитик и писатель Ален де Бенуа, анализируя концепцию враждебности К. Шмитта: «Объявить врага преступником — значит, в определенном смысле, лишить его всякой политической претензии, то есть политически дисквалифицировать его. Преступник не может отстаивать мнение или идею, истинность или ложность которых приходится оценивать; он представляется существом, вредным по своей природе. Когда же борьба идет во имя того, что имеет абсолютное значение, тот, с кем борются, полностью лишается всякой ценности: он объявляется абсолютной не-ценностью» [7, с. 42]. В силу этого ограниченная война преобразуется в войну тотальную, а враг, признанный преступник, становится тотальным врагом. Именно поэтому современные войны нового типа К. Шмитт описывает как бесчеловечные. Криминализация врага делает из него бесчеловечное чудовище, которое недостаточно победить, его необходимо уничтожить. Таким образом, считаем возможным утверждать, что современная «справедливая война» имеет двойной характер: с одной стороны, она претендует на то, чтобы быть моральной, с другой стороны, она осуществляется в виде полицейской акции, нацеленной на наказание врага как преступника. Конечно же, это уже не та справедливая война, концепции которой выстраивались в Средние века. Современная «справедливая война» оперирует такими понятиями, как «человечество», «свобода», «право»: если война ведется во имя человечества, она неизбежно становится «справедливой». Именно такая расстановка акцентов порождает новую опасность, а именно: иллюзию вечного мира, который может превратиться в бесконечную войну. Таким образом, процесс криминализации врага привел к тому, что современная «справедливая война» больше не завершается заключением мирного договора, она становится бесконечной.

Третья антиномия: гибридность мультикультурного толерантного разума приводит к невозможности разграничить мир и войну: война — это угроза миру и / или единственное средство его поддержания. Кризис политического и «гуманитарные» войны под видом современной «справедливой войны», дисквалифицирующие врага как преступника, перенимают эстафету у религиозных войн. Катастрофичность складывающейся ситуации заключается в том, что отменяется такая главная цель войны, как достижение мира, что, в принципе, обрекает все современные типы войн на тотальность как бесконечность. С другой стороны, современное общество, утратившее конвенциональность и девальвировавшее базовые принципы международного права,

но сохранившее ядерное оружие, породило такой косвенный путь действия, как «новую» гибридную войну или новую «справедливую войну», которая не только из средства политики превращается в саму политику, но начинает рассматриваться как «новая конвенция», призванная спасти этот мир и в целом стать самим миром. Цели этой новой войны уже не являются политическими в традиционном смысле, они связаны с «политикой идентичности» в большей степени, чем с идеологически или геополитически детерминированным «национальным интересом». В обществе постмодерна происходит распадение прежних прочных форм социальной идентичности — класса и нации — и переход к более гибким и открытым формам. В обществе раннего модерна конструирование социальной идентичности являлось достоянием прежде всего интеллектуальной и коммерческой элит, представлявших себя «двигателями прогресса»; в период организованного модерна основные формы социальной идентичности — класс и нация — представляли как квазинатуральная данность. Деконвенционализация социальных практик обуславливает расширение социального пространства для творческого конструирования идентичности. Освобожденная от уз общественной функциональности, социальная идентичность приобретает свободный игровой характер театральной самопрезентации личности, становится высоко индивидуализированной, неустойчивой и текучей. Таким образом, можно сделать предположение, что «новая» гибридная «справедливая война» во многом стала возможна благодаря легитимации игры в идентичности, так как предполагает гибридность самой самоидентификации.

В силу этого правомерным будет наше утверждение о том, что современный глобализующийся мир характеризуется не миром, основанным на праве, а повсеместным насилием: террором, борьбой с ним и войной в защиту прав человека. Антиномичность мультикультурной толерантности обернулась для нас двойными тисками: если мы против «гуманитарной интервенции», то мы поддерживаем этнические чистки и преступления против человечности; а если мы против этнических

чисток и преступлений против человечности, то мы поддерживаем военную экспансию и встаем на сторону «вооруженного мира».

Для того чтобы вырваться из антиномий толерантного разума, поставить предел и ограничить «тотальность» «новых справедливых войн», необходимо не только раскрытие и осознание их сущности, но и поиск нового основания для мира и солидарности. Что выступит в качестве новой конвенции для осуществления мира: космополитическое правоприменение и реконструкция М. Калдор, решение проблемы криминализации врага и возвращение партизана в сферу политического К. Шмитта или другое? Покажет будущее, однако осознание кризиса идентичности, толерантности и политической власти, а также отказ от классической трактовки войны и принятие ее антиномичной и гибридной природы, возможно, позволят приблизиться к решению проблемы эскалации насилия и расширения политики экстремизма и отчуждения Другого в его инаковости и не допустят перерастания «новой» гибридной «справедливой войны» в тотальную войну за вечный мир.

Список цитированных источников

1. *Chomsky, N.* The New Military Humanism: Lessons from Kosovo / N. Chomsky. — London, 1999. — 208 p.
2. *Сидоренко, И. Н.* Приватизация насилия в эпоху глобализации / И. Н. Сидоренко // *Философия и ценности современной культуры: материалы Междунар. науч. конф., Минск, 10–11 окт. 2013 г.* / Белорус. гос. ун-т; редкол.: А. И. Зеленков [и др.]. — Минск, 2013. — С. 368–372.
3. *Kaldor, M.* New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era / M. Kaldor. — Cambridge, 2012. — 224 p.
4. *Жижек, С.* О насилии / С. Жижек; пер. с англ. А. Смирнова и Е. Ляминой; под ред. А. Олейникова. — М., 2010. — 184 с.
5. *Бауман, З.* Законодатели и толкователи. Культура как идеология интеллектуалов / З. Бауман // *Неприкоснов. запас.* — 2003. — № 1 (27). — С. 5–20.
6. *Шмитт, К.* Номос Земли в праве народов / К. Шмитт; пер. с нем. К. Лошевского и Ю. Коринц; под ред. Д. Кузницына. — СПб., 2008. — 562 с.
7. *Бенуа, А. де.* Карл Шмитт сегодня / А. де Бенуа; пер. с франц. С. Денисова. — М., 2013. — 192 с.

Дата поступления в редакцию: 17.10.2016 г.